

РОДИТЕЛИ И ДЕТИ: ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ИДЕАЛА В ПЬЕСАХ ЧЕХОВА

А. В. Лексина

«Дети святы и чисты. Даже у разбойников и крокодилов они состоят в ангельском чине. Сами мы можем лезть в какую угодно яму, но их должны окутывать в атмосферу, приличную их чину. Нельзя безнаказанно похабничать в их присутствии... нельзя делать их игрушкой своего настроения: то нежно лобызать, то бешено топтать на них ногами...»

Антон Павлович Чехов

Рассматривая творчество А. П. Чехова как некий объективно-беспристрастный вердикт, вынесенный русскому обществу второй половины XIX — начала XX века в описании его быта, признавая, что Чехов не навязывал читателям идей, но заставлял задуматься над ничтожностью мыслей, действий и чувств большинства российских обывателей, невольно задаёшься вопросом, был ли у самого Чехова такой воспитательный идеал, на который можно было бы равняться последующим поколениям.

В пьесах Чехова родители показаны как себялюбивые эгоисты («Чайка» — Аркадина, родители Нины, «Дядя Ваня» —

Лексина Анна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет», г. Коломна

Серебряков, Войницкая), жертвы своих слабостей и несчастной любви («Вишнёвый сад» — Раневская, «Чайка» — Маша), манипуляторы, использующие детей для достижения своих целей («Три сестры» — Наташа), не выдерживающие испытания ответственностью и разочарованием страдальцы («Три сестры» — Вершинин, «Чайка» — Нина, Медведенко), носители мещанских стереотипов и ценностей («Иванов» — Лебедевы, «Чайка» — Шамраевы), поэтому подобный список родителей не вызывает не только симпатии читателя, но и уверенности в благотворном влиянии подобных родительских примеров на воспитание подрастающего поколения.

Дети и родители в пьесах Чехова находятся в непрерывном противостоянии и из этого противостояния дети выходят с потревоженными душами, получив первые уроки нелюбви. Мысль о будущем подобных детей отчетливо звучит в словах Андрея Прозорова в пьесе «Три сестры»: «В нашем городе нет ни одного, который не был бы похож на других. Только едят, пьют, спят и, чтобы не отучнеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами. И неотразимо пошлое влияние гнетет детей, и искра Божия гаснет в них, и они становятся такими же жалкими, похожими друг на друга мертвецами, как их отцы и матери» [5, с. 236–237].

Одинокая фигура отца, любящего свою дочь, Симеонова-Пищика, тоже не вызывает ощущения подлинности воспитательного идеала, поскольку его меркантильность и легкомыслие вызывают у читателя и зрителя ироничную улыбку, но не уважение к его отцовским качествам.

Таким образом, читатель и зритель, пытаясь найти в пьесах Чехова позитивный родительский пример, сталкивается с огромной массой проблем и противоречий, заставляющих задуматься: а может Чехов призывал каждого посмотреть на отрицательные примеры поведения родителей по отношению к своим детям и сформулировать свой воспитательный идеал самостоятельно?

Возможно, на подобное предположение наталкивает именно высвечивание писателем таких сторон отношения родителей к собственным детям, которые глубоко несимпатичны, неприятны и отвратительны для самого Чехова, а, следовательно, для тех читателей, которые способны понять настоящее отношение автора к подобным персонажам.

Отчасти прояснить данный вопрос могут биографический и библиографический анализ наследия А. П. Чехова, его сочинений (из которых мы возьмём последние пьесы, как источник концентрированного в художественном изображении мира отдельных семей, отношения автора к проблемам взаимопонимания детей и родителей), а также писем, дающих косвенные указания на восприятие самим Чеховым как проблемных аспектов в общении родителей и детей, так и воспитательного идеала, который может изменить ситуацию в семье и обществе к лучшему.

Сам Чехов, в силу своей тонкой нервной организации, подразумевавшей особую деликатность по отношению к близким, с одной стороны, и спонтанную раздражительность и нервность, о которой он сам пишет в своих письмах, с другой, не мог говорить о таких важных для каждого человека, как

родители, людях, прямо, и в его письмах упоминаются только намёки, вскользь высказанные впечатления и ощущения сына, которому не хватает отцовской мудрости и материнского сочувствия. Так, в письме М. М. Чехову, ещё гимназист Антон, мельком, роняет замаскированную иронией жалобу сына на мать: «...Пиши, братец, не ленись, если есть время; если нет время, то не прогневаюсь, поелику незлобив есмь, хотя Мамаша (дай ей боже, чего ей хочется) и говорила, что у меня злоба природная и закоренелая. А я же, смиренный раб божий, по злобе своей посылаю ей жестянку алвы...» [1].

Если сравнить этот небольшой упрёк-пожелание в адрес матери с изображаемыми в пьесе «Чайка» взаимоотношениями Аркадиной с Константином, можно отчасти уловить и отголоски той «недолюбленности» материю, от которой, конечно же, страдает Константин [5, с. 84], но и в письмах Антона она также проскальзывает. Мать Константина при мысли, что ей надо дать сыну денег, плачет, мать Антона бранит за безденежье, несмотря на то, что он содержит всю семью. В одном из писем брату Антон упоминает, что из комнаты матери идёт постоянный «ропот» [2].

Однако сам Чехов никогда не отзывался о матери так, как его персонажи, напротив, его письма говорят о любви и снисходительности к материнским несчастьям: «Вторая и последняя просьба будет поважнее. Будь так добр, продолжай утешать мою мать, которая разбита физически и нравственно. Она нашла в тебе не одного племянника, но и много другого, выше племянника. У моей матери характер такого сорта, что на нее сильно и благотворно действует всякая нравственная

поддержка со стороны другого. Не правда ли, глупейшая просьба? Но ты поймешь ее, тем более что я сказал “нравственная”, т. е. духовная поддержка. Для нас дороже матери ничего не существует в сем разъехидственном мире, а посему премного обяжешь твоего покорного слугу, утешая его полуживую мать» [3].

И если в «Чайке» Константин сам обвиняет себя в эгоизме [5, с. 85], то можно увидеть за этим обвинением внутреннюю борьбу героя, которому недостаёт материнского внимания, но и он сам страдает от того, что не может скрыть обиду и великодушно простить мать. В этой подсказке читателю можно увидеть черты того воспитательного идеала, который Чехов создаёт не в виде незыблемого монумента, но в маленьких зарисовках нравственных и безнравственных поступков и суждений персонажей, приводящих читателя к мысли о должном и недолжном поведении родителей и детей. Жалуясь Сорину, Константин с досадой и болью говорит: «... что может быть отчаяннее и глупее положения: бывало, у нее сидят в гостях сплошь все знаменитости, артисты и писатели, и между ними только один я — ничто, и меня терпят только потому, что я ее сын. Кто я? Что я? Вышел из третьего курса университета по обстоятельствам, как говорится, от редакции не зависящим, никаких талантов, денег ни гроша, а по паспорту я — киевский мещанин. Мой отец ведь киевский мещанин, хотя тоже был известным актером. Так вот, когда, бывало, в ее гостиной все эти артисты и писатели обращали на меня свое милостивое внимание, то мне казалось, что своими взглядами они

измеряли мое ничтожество, — я угадывал их мысли и страдал от унижения...» [5, с. 85].

Показательно, что в третьем действии пьесы Аркадина, ссорясь с сыном из-за любовника, и, явно желая уколоть его побольнее, выкрикивает ему: «Киевский мещанин! Приживал!

Треплев: Скряга!

Аркадина: Оборвыш!

Треплев садится и тихо плачет.

Ничтожество!..» [5, с. 113]

И здесь в пьесе автор повторяет и усиливает, тем самым гиперболизируя, беспомощность сына перед желанием матери доминировать и быть хозяйкой положения во всём: даже попросив прощения у сына, она вынуждает его помириться с любовником, чтобы обезопасить себя от столкновения их интересов, в котором сын всегда должен уступить.

Особенно явно проявляется воспитательный идеал в письме-наставлении брату Николаю Павловичу, где Антон Павлович прямо и категорично выделяет параметры, по которым можно определить воспитанного человека: «Воспитанные люди, по моему мнению, должны удовлетворять следующим условиям:

1) Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки; живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя! Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жилъе посторонних...

2) Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым

глазом. Так, например, если Петр знает, что отец и мать седеют от тоски и ночей не спят, благодаря тому, что они редко видят Петра (а если видят, то пьяным), то он поспешит к ним и наплюет на водку. Они ночей не спят, чтобы помочь Полежаевым, платить за братьев-студентов, одевать мать...

3) Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.

4) Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают... Из уважения к чужим ушам, они чаще молчат.

5) Они не уничижают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтоб в ответ им вздыхали и нянчились с ними. Они не говорят: "Меня не понимают!" или: "Я разменялся на мелкую монету! ...", потому что всё это бьет на дешевый эффект, пошло, старо, фальшиво...

6) Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства с знаменитостями, рукопожатие пьяного Плевако, восторг встречного в Salon'e, известность по портерным... Они смеются над фразой: "Я представитель печати!!", которая к лицу только Родзевичам и Левенбергам. Делая на грош, они не носятся со своей папкой на сто рублей и не хвастают тем, что их пустили туда, куда других не пустили... Истинные таланты всегда сидят в потёмках, в толпе, подальше

от выставки... Даже Крылов сказал, что пустую бочку слышнее, чем полную...

7) Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой... Они горды своим талантом. Так, они не пьянствуют с надзирателями мещанского училища и с гостями Скворцова, сознавая, что они призваны не жить с ними, а воспитывающе влиять на них. К тому же они брезгливы...

8) Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки...» [4].

Переключки с высказанным А. П. Чеховым воспитательным манифестом, адресованным не только его брату Николаю, но, прежде всего самому себе, мы постоянно встречаем в репликах персонажей пьес Чехова, в словах героев его повестей и рассказов, а это свидетельствует о важности для писателя данной проблематики. Это связано с его переживаниями о будущем человечества, о том, что будет с нами «через двести-триста, ... тысячу лет». Ведущим художественным образом, перерастающим в символ, становится облагораживающий человека труд. О необходимости страдать и работать, не надеясь понять этот мир и обрести счастье, говорят три сестры в одноимённой пьесе, в этом убеждает дядю Ваню и, прежде всего, себя, Соня, этим символическим трудовым подвигом пытается успокоить себя Нина Заречная, об этом мечтает Аня Раневская. И сам Чехов, определяя для себя главный идеал своей жизни, говорит, вкладывая этот завет в уста Ирины

из пьесы «Три сестры»: «Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги.» [5, с. 183]. Именно от того, как мы будем работать, совершенствовать не только мир вокруг нас, но и самих себя, будет зависеть, какими будут наши дети, увидим ли мы вместе с ними «небо в алмазах».

Литература

1. Классика. А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в двенадцати томах. М., «Наука», 1974 А. П. Чехов. Письма (1875–1886). Том первый. — 1 января 1877 г. Письмо 4. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_01_1875_letters.shtml

2. Классика. А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в двенадцати томах. М., «Наука», 1974 А. П. Чехов. Письма (1875–1886). Том первый. — 25 декабря 1882 — 2-3 января 1883 г. Письмо 29. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_01_1875_letters.shtml (дата обращения: 10.03.2017)

3. Классика. А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в двенадцати томах. М., «Наука», 1974 А. П. Чехов. Письма (1875–1886). Том первый. — 10 апреля 1877 г. Письмо 6. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_01_1875_letters.shtml(дата обращения: 10.03.2017)

4. Классика. А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в двенадцати томах. М., «Наука», 1974 А. П. Чехов. Письма (1875-1886). Том первый. — 10 апреля 1877 г. Письмо 163. [Электронный ресурс] Режим доступа:

http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_01_1875_letters.shtml(дата обращения: 10.03.2017)

5. Чехов А. П. Пьесы. — М.: Худож. лит., 1982. — 303 с.

Аннотация. В статье рассматривается проблема воспитательного идеала в пьесах Чехова. Автор предполагает, что А. П. Чехов показывал такой идеал, сравнивая своих героев с представлениями о необходимом уровне воспитанности, о котором высказывался в своих письмах. Чехов не считает нужным убирать тот дидактизм, который в художественных произведениях считает недопустимым, оставляя читателям самостоятельно вырабатывать тот воспитательный идеал, который логически вытекает из изображённой им картины бытия.

Ключевые слова: воспитательный идеал, дидактизм, поведенческие стереотипы, художественный образ, символ.